

П. Б. АКСЕЛЬРОД

Две тактики: доклад, прочитанный на съезде в Стокгольме ¹

Вторая (заключительная) речь

Товарищи!

Скажу откровенно: я очень неохотно пользуюсь своим правом докладчика для заключительного слова. Все, что мне пришлось здесь слышать от противников резолюции, предложенной большинством комиссии², убеждает меня в том, что никакими доводами и соображениями сторонников их переубедить нельзя, если я, тем не менее, беру слово, то не столько по внутреннему влечению, сколько в силу формальных соображений о том, что в качестве докладчика я обязан ответить на сделанные мне возражения. Я, однако, не намерен останавливаться на всех возражениях и замечаниях оппонентов. Во-первых, это потребовало бы гораздо больше времени, чем те 25 минут, которыми я располагаю для заключительного слова, а во-вторых, отвлекло бы ваше внимание и вашу мысль на массу мелочей, и в конце концов вышло бы то, что многие из вас из-за деревьев не видели бы леса, из-за частных упущили бы из виду самое существенное, принципиальную сторону вопроса. Впрочем, на многие возражения ответили мои товарищи по комиссии и другие наши единомышленники из членов съезда³.

Прежде всего, скажу несколько слов по адресу товарища Винтера⁴, который, по недоразумению, очевидно, не расслышав меня, почуял в моей речи упреки русскому пролетариату за то, что он бойкотировал выборы. Он так-таки прямо и начал свою речь очень патетической защитой русских рабочих против якобы выдуманного мною обвинения их в легкомыслии и т. п. грехах. Обвинение это он усмотрел в том, что я характеризовал пассивный бойкот, — а не активный (т. е. тот бойкот, который действительно проводился у нас, а не тот, который проповедовался на словах)

словами: «показывание кукиша в кармане». Товарищ Винтер сильно ошибается. Я бы, разумеется, не постеснялся бросить этот упрек в лицо и пролетариату, если бы считал, что он его заслуживает. Я не принадлежу к тем, которые считают своей обязанностью кстати и некстати провозглашать пролетариат безгрешным и непогрешимым, расточать ему всяческие похвалы и не брезгают даже прямо льстить ему. Я полагаю, что мы обязаны, наоборот, с полной откровенностью указывать рабочим на то, что они, в массе, еще очень отсталые и что даже передовые их слои находятся еще лишь на первых стадиях своего политического развития. Я, со своей стороны, считал и считаю своим долгом предохранять представителей этих слоев от всяких иллюзий и всякого самообольщения насчет действительной степени развития, уже достигнутого нашим пролетариатом, и напоминать им, что он только начинает свою историческую карьеру и что он может еще натворить много глупостей, сделать многое множество ложных шагов и ошибок, предупредить которые могут в значительной мере преимущественно социал-демократические рабочие, если они надлежащим образом используют исторический опыт своих западных братьев. Но в данном случае я не имел в виду специально рабочих. Вообще мне чужда прокурорская склонность к обвинениям. Но если уж вычитывать в моих словах «обвинение», то оно относится не к пролетариату, а к тем, кто претендует на роль его руководителей и диктует ему тот или другой образ действия. Поскольку в моей критике нашей тактики в избирательный период заключается упрек, он адресован был к нашим центральным учреждениям, к агитаторам и вообще к той организационной ячейке, которая говорит от имени пролетариата и выступает как его политическая представительница. Но повторяю, мне совершенно чужда обвинительная точка зрения, когда я подвергаю критике действия нашей партии.

Я с удовольствием выслушал замечания товарища Графа⁵, настойчиво подчеркивавшего, что при данных обстоятельствах ни бойкот, ни участие в выборах не могли обеспечить партии почетную роль в избирательной борьбе. Но мне кажется, что внимание его слишком односторонне сосредоточено было на препятствиях внешних. Как бы то ни было, я вполне согласен с Графом, что коренной источник всех наших партийных недочетов и злоключений заключается не в личных недостатках или ошибках тех или других товарищей, и именно потому, что я так думаю, я вчера

сделал беглую экскурсию в наше прошлое. Я хотел, между прочим, показать, что все это прошлое и вся наша предыдущая практика не подготовили нас и не могли подготовить ни организационно, ни политически к тому, чтобы мы могли надлежащим образом использовать избирательную борьбу и выборы. Я уже в своем докладе, если я не ошибаюсь, попутно заметил, что и тактика бойкота могла бы быть проведена на более широком политическом базисе.

Отметил я также и то, что участие в выборах при занятой партией абсолютно и односторонне враждебной позиции по отношению к кадетам легко могло бы привести к победе черносотенных элементов над всей демократией, т. е. скомпрометировало бы, вернее, опозорило бы нас, а вместе с нами и русский пролетариат, поскольку он шел бы за нами, перед всей международной социал-демократией, да и саму нашу партию значительно обессилило бы сознанием страшного вреда, который она нанесла бы революции. Кого винить за то безвыходное положение, в котором партия очутилась в такой важный момент, как избирательная борьба? Неужели Ленина? Но как бы высоко мы не оценивали его таланты и влияние, мы все же не много выиграем от того, что взвалим на него всю ответственность за все наши партийные раздоры, грехи и недочеты, от которых партия так много настрадалась в последние годы. Ленин сам является продуктом всего нашего прошлого, и если за ним идет такая масса товарищей по пути, который мы считаем гибельным для партии, то очевидно, не из простой прихоти или пристрастия к нему, а потому, что он выражает их собственные стремления и понимание вещей, развившиеся на почве данных исторических условий. Но, кроме того, я в своей первой речи неоднократно подчеркивал, что я критикую не специально большевистскую тактику, что меньшевистская тактика фактически очень мало отличалась от большевистской, что на практике меньшевики действовали в духе тех же тенденций, как и большевики. Это проявилось с достаточной ясностью в том, что партия в целом не использовала или до крайности поверхностно и примитивно использовала период широкого общественного движения, открывавшийся выступлением либеральной буржуазии на арену политической борьбы в министерство Святополка-Мирского⁶, в интересах политического развития и организации рабочих масс. А так как и наше собственное политическое самовоспитание неразрывно связано с делом политического воспитания и объединения этих масс, то и мы сами за этот период

очень мало подвинулись вперед в своем политическом развитии, а в некоторых отношениях пошли даже назад. При таком взгляде на положение дела в партии как я могу сводить все ее недочеты и односторонности к личным ошибкам и прегрешениям отдельных индивидуумов, как некоторые, а быть может и большинство из вас, склонны, по-видимому, думать?

Все это я говорю для того, чтобы показать, что, с моей точки зрения, на первом плане перед нами стоит вопрос не о том, «кто виновен?», а о недостатках нашей партийной практики, о необходимости устранить крайнее несоответствие между ее методами и средствами и современной общественной атмосферой, когда нам приходится иметь дело с революционно возбужденными массами с одной стороны, и с серьезной политической конкуренцией буржуазно-оппозиционных и буржуазно-революционных партий — с другой. Бойкотная тактика ярко отразила примитивность наших политических воззрений. Но в такой же мере и, пожалуй, с еще более вредными последствиями примитивность эта отразилась бы и в нашей избирательной тактике, если бы мы решили участвовать в выборах. Поэтому я отнюдь не печалюсь, что партия наша не участвовала в выборах, и никоим образом не утверждал, что если бы она участвовала в них, то все обстояло бы прекрасно.

Обращаюсь к наиболее существенным замечаниям тов. Ленина⁷. В резолюции большинства комиссии, говорит он, нет оценки тактики партии по отношению к выборам. Но Ленин прекрасно знает, почему ее нет. Он и его коллега в комиссии предлагали ввести в резолюцию и оценку бойкотной тактики. На это предложение я возражал указанием, во-1), на то, что эта оценка удлинила бы без надобности резолюцию, а во-2), что предпосылки, из которых мы исходим в своем отрицательном отношении к бойкоту, — те же, что лежат в основе нашей резолюции и отчасти сформулированы в ее вступительных положениях, мотивирующих рекомендуемую нами тактику по отношению к Государственной Думе. Принципиальная сторона резолюции, ее идейный центр тяжести лежит, конечно, в соображениях, которыми *мотивируются* практические предложения, содержащиеся в ней, и те, кто принимают эти принципиальные соображения, не могут быть сторонниками бойкота; поэтому, принимая резолюцию, мы без всяких прямых, по существу в данном случае совершенно излишних, полемических вылазок против бойкотной тактики, тем самым осуждаем

эту тактику. Зачем же, для какой надобности еще специально формулировать это осуждение в резолюции, если не для того, чтобы затруднить присоединение к ней тем, которые прежде держались бойкотистской тактики? Если не ошибаюсь, то Плеханов в особенности указывал в комиссии на необходимость опущения критической оценки этой тактики, в интересах объединения всех членов съезда на почве предлагаемой нами резолюции. Я считаю маловероятным соглашение большевиков и меньшевиков в вопросе об отношении к Государственной Думе, думаю, однако, что наша обязанность — не вводить в резолюцию, без всякой надобности, такого элемента, который не может не служить камнем преткновения для столь желанного большинством товарищей объединения обеих фракций. Повторяю: резолюция наша отвечает на вопрос, «как быть дальше, как действовать отныне?», и отнюдь не ставит себе целью сводить счеты с прошлым. Я бы охотно остановился теперь на критике нашей тактики в период избирательной борьбы, но боюсь, что незаметно для меня самого это отняло бы добрых полчаса, т. е. значительно больше времени, чем то, которое я еще имею в своем распоряжении. Впрочем, многие из ораторов касались и выборов специально, особенно, если память меня не обманывает, Негорев⁸.

Другой недостаток резолюции Ленин видит в том, что она проникнута крайне оптимистическим отношением к Думе; упрек этот совершенно неоснователен. Мы характеризуем Думу как уступку со стороны правительства, но такую, которая предпринята с целью обмануть народ, использовать или обратить ее в орудие контрреволюции, для изолирования оппозиционных и революционных сил страны. Но мы утверждаем вместе с тем, что наперекор расчетам и надеждам правительства Государственная Дума будет или может стать орудием и рычагом в руках революционеров против реакции, на пользу революции. На чем основываем мы эти свои расчеты на Думу? Не на том ли, что в ней будут преобладать представители левого крыла либеральной буржуазии и радикальной демократии? Нет, не на этом, хотя я лично того мнения, что и личный состав Думы благоприятен для превращения ее в орудие революции. Наши расчеты основываются не на субъективных намерениях лиц, а на объективном положении вещей, на антагонизме между жизненными, насущными потребностями всей страны, всего населения империи и сословно-абсолютистским режимом,

на том несомненном факте, что антагонизм этот до крайности обострился и не может не порождать конфликтов между правительством и Думой, даже независимо от степени радикализма или либерализма ее состава. Потребность и необходимость в возможно более скорой и основательной ликвидации старого порядка так велика, что Дума неминуемо столкнулась бы с правительством как с непримиримо враждебной силой, даже в том случае, если бы в ней преобладали такие умеренные представители либерализма, как октябристы Гейден⁹ и Стахович¹⁰. Только чисто черносотенный состав, быть может, оказался бы способным жить в мире и согласии с реакционным правительством. Но и в таком случае Государственная Дума не могла бы сослужить службу абсолютизму, потому что всем и каждому, обладающему здравым смыслом, ясно было бы, как божий день, что Дума является не чем иным, как подделкой общественного мнения и слепым орудием революции. И в этом, идеально благоприятном для правительства случае, цель его не была бы достигнута. Но я повторяю еще раз, что она неизбежно должна была бы служить прямо делу революции даже при господстве в ней таких октябристов, как Гейден и Стахович. Бывают в истории такие интересные положения, когда и элементы, склонные даже к консерватизму, волей-неволей становятся органами или пособниками революции. Собрание Нотаблей¹¹, состоявшее из представителей привилегированных сословий и чуть не в большинстве своем из реакционеров, дало непосредственный толчок созыву «Государственных сословий» во Франции в 1889 г.¹² А это собрание, как само средневековое название его показывает, должно было, по расчетам правящих сфер, не выходить из узких рамок законосовещательного представительного органа, главной задачей которого было помочь правительству выпутаться из его безвыходных финансовых затруднений; на деле же оно превратилось, не сразу, правда, в полномостное, т. е. Учредительное собрание. А между тем господствовали-то в этом собрании с самого начала отнюдь не радикалы, а люди довольно умеренного образа мыслей, более умеренного, чем образ мыслей значительной части наших кадетов. Робеспьер¹³ восторгался Мирабо¹⁴, хотя он не мог не сознавать, что этот последний далек от того демократического радикализма, которым он сам был воодушевлен. И вот, участвуя в умеренно-либеральной первой «Государственной Думе» Франции и пользуясь постоянно возникавшими и разгоравшимися кон-

фликтами между ней и правительством и внутри ее между ее прогрессивными и реакционными или консервативными элементами, Робеспьер и Петийон¹⁵ шаг за шагом приобретали огромную популярность в стране и подготавливали почву для торжества крайней демократии. Классические революционеры-демократы, как Робеспьер, Дантон¹⁶ и Марат¹⁷, чуть не до самого момента окончательного падения монархии почти что не выступали с лозунгом «республика», но зато очень энергично и систематически пользовались каждым шагом в процессе капитуляции и ликвидации старого режима как в интересах увеличения прав и власти национального собрания насчет прерогатив короны, так и для агитации в массах в пользу *народного самодержавия* и для *организации* тех общественных сил, которые наиболее способны были бороться за самодержавие народа. Таким путем, крайняя французская демократия эпохи великой революции способствовала тому, чтобы представительное собрание, первоначально совершенно бесправное, созванное лишь для того, чтобы вывести абсолютную монархию из ее затруднительного финансового положения, захватило в свои руки государственную власть и превратилось в орудие подготовки диктатуры революционной демократии. Но само собой разумеется, что такое превращение пародии на парламент в полномочное Учредительное собрание и в могущественное орудие революции оказалось возможным только благодаря наличности объективных общественных условий, стихийно толкавших Францию к такому радикальному разрыву с прошлым.

Но Ленин предпочитает брать аналогии из истории Германской революции 1848-го года¹⁸. Он ссылается на пример франкфуртского парламента¹⁹ как на такое представительное народное собрание, которое в революционную эпоху занималось болтовней в то время, когда реакция готовила силы для нанесения решительного удара революции. Но что доказывает этот пример? Ни более ни менее, как то, что в тогдашней Германии революционные силы были слишком слабы, чтобы заставить франкфуртский парламент не терять золотого времени на излишние словопрения — или уступить место новому, более решительному народному представительству. Не потому немецкий народ не справился с реакцией, что первый общегерманский парламент был плох, а, наоборот, этот последний оказался не на высоте положения потому, что сам народ, в силу исторических условий, оказался не на высоте требований

революционного момента. Если бы франкфуртскому парламенту пришлось действовать в такой социально-революционной атмосфере, как первому национальному собранию Франции, то и он волей-неволей стая бы более революционным и также превратился бы в орган и рычаг для революции.

Если в России подобное же соотношение сил революции и реакции, как в Германии 1848 г., то очень может быть, что и наш первый парламент окажется говорильней. Но таковым он будет не потому, что правительство созвало его с реакционными намерениями и целями, а совершенно независимо от воли и планов правительства. И, наоборот, если те грандиозные революционные перспективы, к которым мы стремимся, имеют в действительности реальные шансы на осуществление в переживаемую Россией эпоху, то Дума не может хоть в слабой степени не отразить в себе того революционного напряжения в стране, наличность которого предполагается или должна предполагаться как само собой разумеющееся условие для развития революции вплоть до самого «логического конца» ее, в виде демократической республики. А раз это и другие объективные условия для развития нашей революции в этом направлении имеются налицо, то Дума, наперекор тем правительственным планам и намерениям, ради которых она вызвана к жизни, окажется центром общенационального революционного движения и чрезвычайно важной точкой опоры для агитационной и организационной деятельности в рабочих массах с целью, с одной стороны, обеспечить Думе серьезную поддержку со стороны народа — против реакции, а с другой — создать организованную народную силу, способную толкать ее вперед по пути разрушения старого и создания нового порядка. Только относясь таким образом к Государственной Думе, только стараясь намеченным путем использовать ее в интересах дальнейшего революционирования умов широких народных масс и организации их в политически сознательную революционную силу, мы можем подготовить значительное изменение общественных сил в пользу радикальной демократии и ускорить вступление революции в тот фазис, когда вопрос об установлении республиканского образа правления станет злободневной задачей, скорейшего разрешения которой страстно и нетерпеливо будут добиваться широкие демократические слои нации (в государственном смысле). Но наши оппоненты, види-

мо, в глубине души отнюдь не уверены в том, что объективные условия благоприятны развитию нашей революции в таком направлении, как великая французская, они очень подозрительно относятся к внутренней, органической тенденции общественных сил и отношений, направляющих ход нашей революции, а потому и не могут представить себе, чтобы Дума могла послужить на пользу искоренения «конституционных иллюзий» и дальнейшего революционизирования общественной атмосферы. Но при таком пессимистическом отношении к объективным условиям развития российской революции категорическое, фанатически отстаиваемое требование безусловно враждебного отношения к Государственной Думе уже совсем лишается всякого сколько-нибудь серьезного политического смысла.

Нас упрекают также в том, что наша резолюция рассматривает Думу как целое, вместо того чтобы расчленить ее на составные элементы и определить точно отношение к каждой партии в отдельности. Дума, в целом по своему преобладающему составу, является кадетской, но в то время как кадеты — наши прямые политические враги, к которым у нас должно быть абсолютно враждебное отношение, представители крестьянства, как партия, несомненно, революционная, являются нашими естественными и ближайшими союзниками. Таковы упреки, высказываемые Лениным и другими ораторами из большевиков по нашему адресу. Но на этот упрек я уже, в сущности, ответил, излагая соображения, в силу которых резолюция признает за Думой значение революционного фактора первостепенной важности, независимо от степени субъективного радикализма ее составных элементов. Ведь предметом резолюции, как само название указывает, является вопрос об отношении к Думе как к неделимому целому, как к учреждению, а не к отдельным партиям, на которые она распадается. Отношение же к различным партиям должно быть сформулировано в особой резолюции.

Не могу не отметить здесь противоречия, в которое противники нашей резолюции впадают, когда они сильно подчеркивают революционный характер крестьянского представительства в Думе — в противоположность партии кадетов. Оппоненты наши совершенно не замечают, что, выделяя крестьянскую партию как особенно революционную, призванную совместно с нашей партией двигать вперед революцию, они этим самым подливают

воду на нашу мельницу, что этим они сами присоединяются к нашей оценке Государственной Думы как учреждения, способного стать центром и рычагом для нашего революционного движения. Наличие в Думе такого непосредственно революционного элемента, как представители крестьянства, не может не оказывать влияния и на кадетов, и не действовать революционизирующим образом — через Думу — на широкие народные массы. И ясно, как божий день, что под нашим агитационным воздействием и организованным давлением пролетариата голоса крестьянских депутатов приобретут еще больший вес и еще большее значение, как внутри, так и вне ее. То есть под нашим влиянием и при помощи нашей агитационной и организационной работы среди пролетарских масс крестьянская партия окажется достаточно сильной, чтобы толкать вперед кадетов и вместе с ними превращать Думу в центральную арену и опору для революционного движения. Легко может случиться, что правительство, почуяв грозящую ему опасность, поспешит разогнать Думу еще прежде, чем она успеет вступить в решительную борьбу с ним. Но этот разгон послужит опять-таки на пользу революции, потому что не только усилит и обострит ненависть и вражду к царско-чиновничьему самовластию во всех классах населения, но и вызовет брожение в армии и даст толчок ее внутреннему разложению.

Некоторых, а быть может и многих, очень смущают слова: «законная власть, самим царем вызванная к жизни». Признаюсь, я совершенно понять не могу их смущения. Да, именно это обстоятельство, что Дума созвана, — в силу ясно выраженной воли царя, и действует, как новая, но вполне законная власть, и должно придавать ей в глазах солдат и даже офицерства значение новой, очень авторитетной государственной силы. Резолюция исходит из психологии и точки зрения заурядных солдат и офицеров, для которых до сих пор царь является своего рода наместником Бога на земле, воля которого никем и ничем не может быть ограничена. Да не только в армии, но и в крестьянских массах и среди мещан царит еще, хотя уже и не безраздельно, такое же идолопоклонство по отношению к царской власти. И вот рядом с этой старой властью является новая, такая же законная, самим же царем созданная. Но лишь только она проявила стремление поскорее удовлетворить народным желанием, положить конец безысходной народной нужде и бесправию, как только депутаты подняли свои голоса в пользу

его требований и прав, так правительство поспешило разогнать ее, правительство царя, который сам, уступая требованиям народа, созвал Думу. Ясное дело, что такой противозаконный акт по отношению к новой власти, выступившей на защиту прав и интересов народа, не сможет не произвести революционизирующего действия на массы вообще и на армию в частности.

Я чуть было не забыл коснуться вопроса об образовании социал-демократической фракции в Думе. Предлагаемая нами резолюция по этому вопросу носит условный характер. Мы предлагаем ее съезду на тот случай, если в Думу попадут социал-демократы. Никакими запрещениями или даже полицейскими мерами, которых мы, впрочем, за недостатком соответствующих средств, не можем пустить в ход, нельзя было бы заставить их не заявлять себя социал-демократами. Но раз они будут выступать как социал-демократы, то этим самым сделают и всю партию в большей или меньшей степени ответственной за свои действия. Если бы эти депутаты были социал-демократами сомнительного свойства, «социал-демократами» в кавычках, то мы могли бы заявить, что они политические самозванцы, с которыми социал-демократия ничего общего не имеет. Но мы исходим из предположения, что в Думу попадут или могут попасть настоящие социал-демократы, действительные члены партии, быть может, не такие блестящие ораторы, как Ленин или Плеханов, но, тем не менее, заслуживающие полного уважения товарищей. Такие депутаты не будут компрометировать партию. До очень недавнего времени руководитель и основатель современной социал-демократической партии в Австрии, Виктор Адлер²⁰, не состоял членом парламента, но это не помешало тому, чтобы социал-демократическая фракция в австрийском парламенте энергично и с достоинством отстаивала в нем интересы пролетариата. Конечно, лучше было бы нам в первом же российском парламенте иметь хоть пару блестящих ораторов. Но ведь мы же сами позаботились о том, чтобы их там не было. И теперь было бы более чем странно запрещать товарищам, которые попадут в него, образовать из себя думскую социал-демократическую фракцию на том лишь основании, что они не первоклассные ораторы. Поэтому нам остается только принять здесь принципиальное решение, заранее признающее желательным образование такой фракции и дающее директиву нашему ЦК в том смысле, что если предстоящие выборы дадут

несколько социал-демократических депутатов, то он должен будет войти с ними в сношения и побудить их сложиться в особую фракцию, под условием признания контроля за ее деятельностью центральных органов партии.

Прежде чем закончить, считаю нужным выразить свое удовольствие по поводу заявления Ленина, что тактика, которую я и некоторые товарищи из «меньшевиков» защищают, — вполне социал-демократическая, но, добавил он, она неприменима, неосуществима в России, в современный исторически период до тех пор, пока не падет самодержавие, рекомендуемая нами тактика останется в области утопий. Но тов. Ленин не сделал «конечного» вывода, логически вытекающего из его взгляда на нашу тактику. Раз в абсолютистской России нет почвы для социал-демократической тактики, то отсюда само собой следует, что при абсолютизме у нас не может быть места и для самой социал-демократии как *политической партии*. Социал-демократия без социал-демократической тактики — может представлять собой течение, секту, пропагандистскую группу или несколько групп, но не политическую партию, не *классовую политическую* организацию пролетариата, объединенную общеобязательной программой, тактикой и руководящими центральными учреждениями. А потому те из товарищей, которые считают совершенно невозможной у нас социал-демократическую тактику в настоящее время, должны иметь мужество ясно и определенно провозгласить, то, «что (по их мнению) есть», и прямо заявить, что партия как таковая должна на время сойти с исторической сцены и фактически раствориться в общей массе революционных элементов. Таково было историческое положение коммунистического союза в 1848 г.²¹, не игравшего во время революции в Германии никакой самостоятельной роли. Известно, что Маркс, Энгельс, В. Вольф²² основали, при помощи буржуазно-демократических элементов, «Ново-Рейнскую газету»²³, выступавшую как орган демократической, а не коммунистической партии. Таким же образом должны и мы смотреть действительности прямо в глаза и, раз признав, что она не допускает существования теперь в России социал-демократической партии, заслуживающей своего названия, мужественно заявить о необходимости до поры до времени ликвидировать ее, рекомендуя всем нашим партийным работникам вступить в ряды буржуазной демократии с целью внесения в нее возможно большей энергии, решительности, по-

следовательности и единства в борьбе с реакционными и консервативными силами.

Российская социал-демократическая партия имеет историческое право на существование в нашей революции ровно настолько, насколько она, в лице пролетариата, организует народно-революционную силу, способную выполнять одновременно две исторические задачи: отстаивать интересы своего класса в ходе нашей революции и бороться за общие интересы демократии. Ни одна из этих задач сама по себе, изолированно от другой, не может быть нами выполнена сколько-нибудь удовлетворительным образом. Нельзя серьезно и успешно работать над созданием широкой классовой организации пролетариата, не вовлекая рабочих масс в сознательную, систематическую борьбу за общенародную свободу и общенародные права. Политическая пролетарская партия, которая не ставила бы вполне сознательно в центре своей деятельности энергическую борьбу против дворянско-чиновничьего господства — во имя народовластия, — возможна только на бумаге, но совершенно немыслима в действительности. Но и эта общедемократическая наша задача, задача создания сознательного и прочного оплота в лице пролетариата для завоевания народовластия в свою очередь далеко не вполне осуществима, независимо от процесса политического объединения рабочих масс в самостоятельную классовую партию. А этот процесс, как я уже неоднократно подчеркивал, неразрывно связан с организацией социально-политических выступлений этих масс; на почве одной только антиправительственной борьбы, исключительно своими физическими силами, рабочие массы не могут спланироваться в действительно классовую пролетарскую партию. И вот именно к такому сужению роли пролетариата в российской революции и сводится заявление Ленина, что социал-демократическая тактика у нас в настоящее время не применима, что такая тактика является в России, пока, праздной утопией. Фактически это заявление равносильно отречению от той половины нашей исторической задачи, которая составляет принципиальную основу нашей партийной практики и определяет собою реальное социальное содержание последней.

Что и почему именно тактика, отстаиваемая Лениным и его единомышленниками, должна вести к выветриванию и улетучиванию из-под социал-демократической оболочки идейного содержания нашей партийной практики — об этом я уже говорил

в своей первой речи. Но словесная социал-демократическая оболочка и партийное название останутся и будут служить прикрытием для такого рода «отмежеывания» партии от других оппозиционных и революционных элементов, которое, по своему существу и по своим результатам, ничего общего с процессом политического отделения пролетариата от буржуазии в классовую партию не имеет. Единственным или, во всяком случае, главным реальным основанием для резко полемического, непримиримо враждебного отношения партии ко всем другим оппозиционным и революционным элементам станет вопрос о военно-технической подготовке вооруженного восстания заговорщическими и анархическими путями и средствами. «Классовая пролетарская политика», «развитие и упрочение политической самостоятельности пролетариата» и т. д. будут — под теми же названиями — все более и более подменяться систематическим развитием и распространением внутри нашей партии и находящихся под ее влиянием пролетарских слоев личной вражды и ненависти специально к тем лицам, группам и фракциям, которые, все равно из каких бы принципиальных или социальных политических предпосылок они не исходили — отрицательно относятся к заговорщическим или анархическим методам подготовки народного восстания. Не программа, не социально-политические принципы и задачи, а исключительно отношение к вопросу о вооруженном восстании будет служить масштабом для определения или для оценки классовых тенденций этих групп, для зачисления их в политический лагерь буржуазии. Это значит: социал-демократы, предлагающие использовать все этапы нашего освободительного движения в интересах *организационной* и *политической* подготовки рабочих масс к тому, чтобы они в момент общенародного взрыва способны были своим активным участием обеспечить демократии полную победу, а это значит, говорю я, что все принципиальные борцы за интересы пролетариата будут объявлены его врагами, а разнокалиберные по своим социальным воззрениям и тенденциям сторонники «вооруженного восстания» и чисто «боевых» действий будут рекомендоваться пролетариату в качестве социал-демократов или его ближайших друзей и союзников. Другими словами: беспринципная демагогия оттеснит на задний план или совсем вытеснит социал-демократическое содержание из агитации среди рабочих и, под флагом социал-демократии,

внутри и на ее периферии будет вноситься величайшая путаница в умы, будет производиться подтасовка основных понятий, и развитие классового сознания пролетарских масс уступит место систематическому затемнению его. А в итоге мы вместо сплочения этих масс в классовую партию внесем дезорганизацию и разложение в ряды своей собственной, уже существующей социал-демократической партии.

Нечего и говорить, что, развиваясь дальше таким путем, российская социал-демократия не способна будет достойно выполнить и свою общедемократическую миссию. Влияние бунтарско-заговорщических тенденций уже немало вреда причинило ей, оно уже сказалось неблагоприятно как на внутреннем ее развитии, так и на ее внешнем престиже — он, несомненно, заметно пал. Сделаем, однако, невероятное предположение. Допустим, что, идя по пути, рекомендованному Лениным и его сторонниками, партия сгруппирует вокруг себя все наиболее революционно активные элементы и станет боевым авангардом всей демократии. Идеал, к которому стремится народоволец И., автор статьи «Рабочие и Революция»²⁴, осуществился: общереволюционная партия для «разрушительной работы» стала реальным фактом; но осуществился этот идеал формально под флагом социал-демократии. Это означало бы, что мы сами воспользовались бы приобретенным нашей партией значением и ее организационным аппаратом для того, чтобы превратить ее в партию лжесоциал-демократическую. Спрашивается: какое значение имело бы это своеобразное превращение нашей партии для развития нашего пролетарского движения в будущем? Как социал-демократы, мы, конечно, обязаны поставить себе этот вопрос.

Своими смелыми боевыми действиями, своими отважными повстанческими попытками и другими вооруженными атаками на органы и силы реакции она приобретает большую популярность и в демократических слоях населения вообще, и в рабочих массах в особенности. Какие бы изменения партия эта впоследствии не претерпевала, как бы значительно ни изменялась ее политическая физиономия и характер, традиции ее прошлого на многие годы обеспечат ей притягательную силу по отношению к политически оппозиционным слоям пролетариата. Припомните, какую упорную и долгую борьбу пришлось выдержать социал-демократии во Франции с буржуазными

республиканцами, опиравшимися на традиции радикальных партий эпохи буржуазных революций, или в Италии с буржуазными фракциями, выступившими как преемники и наследники революционеров эпохи борьбы за объединение, группировавшихся вокруг Мадзини²⁵ и Гарибальди²⁶. Наконец, поучителен тот факт, что Лассалю²⁷ совершенно невозможно было выступать в Берлине в открытых рабочих собраниях против прогрессистской партии, что число членов основанного им рабочего союза в столице Пруссии, при жизни его, не превышало нескольких десятков. Да и после смерти Лассала Берлин еще целые годы оставался неприступной для социал-демократии крепостью буржуазной демократии. А ведь революционная история буржуазной демократии в Германии совсем-таки не богата, вернее, довольно-таки бедна славными деяниями и обаятельными традициями. Прогрессистская партия, явившаяся на смену революционной демократии 40-х гг., не только не была революционна, но и демократична только в очень ограниченном и условном смысле. Тем большим препятствием для образования классовой партии широких рабочих масс может явиться у нас совсем или полубуржуазная демократическая партия, унаследовавшая героические традиции революционной партии, боровшейся за свободу под флагом социал-демократии. Как партия, стоявшая и стоящая до сих пор на идейной почве марксизма, выступающая во имя классовых интересов пролетариата, для которого современная русская революция есть только первый этап на его длинном и трудном пути к бесконечно более великой и богатой результатам социалистической революции, мы обязаны из-за сегодняшнего дня не забывать будущего и не упускать из виду тех последствий, которые сегодняшние наши действия неминуемо должны иметь для освободительного движения рабочего класса в более или менее близком будущем. Для российской социал-демократии, как партии, провозгласившей себя одним из отрядов международной армии социалистического пролетариата, преступно, ради крайне сомнительных минутных выгод настоящего дня, пренебрегать основными интересами пролетариата и заранее ставить сверхштатные препятствия и затруднения нашему рабочему классу в предстоящей ему борьбе за политическое влияние и за власть со всем буржуазным обществом. Не бросайте же, товарищи, тормозов под колеса нашей будущей пролетарской партии.